

Казак Отрошко знавал и Канта

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Сегодня в выставочном зале Союза художников открывается персональная выставка единственного в ярославском многонаселённом творческом цехе живописцев художника-анималиста – Олега Павловича Отрошко. В экспозицию, приуроченную к 70-летию автора, вошли более двухсот работ: графика, живопись, экслибрисы.

У Олега Отрошко нет ни наград, ни званий, только лаконичное «член Союза художников», сначала – СССР, теперь – России. Но отсутствие пышных титулов и регалий у автора нисколько не смущает искренних почитателей таланта Олега Павловича. А их у этого скромного, солнечно-го человека и чуткого к деталям художника – сотни и сотни. Многие с детства, даже не зная имени Отрошко, были влюблены в его творчество: ни одна детская книжка про животных не обошлась без его иллюстраций.

Олег Павлович Отрошко родился на Кубани. Есть там река с певучим именем Ея, о которой ещё великий Геродот писал, что камбалы здесь водятся столько, что можно перебежать реку по спинам рыб, не замочив ног.

– Правда, это было ещё до нашей эры, – печалится о былом рыбном изобилии отчаянный рыбак Олег Павлович. – На берегу Еи стояла станица Калниболотская, в которой я и появился на свет. Деды-прадеды все были рыбаками и охотниками, и я рыбачил с малолетства. Даже не знаю, чему я раньше научился – ходить и говорить или плавать и рыбу удить.

Годы спустя Олег Павлович признался, что не будь он охотником да рыболовом, возможно, и художником бы не стал никогда. Тем более что страсть мальчика к рисованию в детстве родителями, людьми далёкими от «всяческих художеств», никак не поощрялась, а, напротив, строго преследовалась: дескать, дело надо делать, а не картинку рисовать.

...Семья Отрошко была большая, Олег – самый младший, тринадцатый ребёнок в семье. Он появился на свет, когда его маме Ксении Филатовне исполнилось уже 45. Родственники по материнской линии ещё в екатеринские времена приехали на Кубань из Пруссии. В семье гордились, что прапрадед видел великого Канта. Вот только масштабность этой семейной подробности герой нашего рассказа смог оценить много позднее, уже став взрослым. В детской же голове незнакомое имя Кант перепуталось с обывательским названием безмена, который на Кубани называли кантором.

– Меня часто просили принести кантор: то мёд взвешивали, то ещё что по хозяйству, и я никак не мог взять в толк, что же такого необычного в том, что мой прапрадед, так же, как и я, видел безмен. А, оказывается, Кант и кантор – «немного» разные понятия.

По линии отца Отрошко – из запорожских казаков. Дед Михаил Леонтьевич служил в личной охране императора Николая II вплоть до 1914 года. Отец Павел Михайлович воевал в турецкой кампании под началом генерала Сорокина, в бою под Сорокомышем чуть руку не потерял. В те годы опасно было даже признаваться в том,

что ты – казак, не говоря уже о службе в личной охране царя.

– Одного из моих братьев, отданных на площадку (так в станице назывались «прообразы» детских садов) «политически грамотные» воспитатели голодом заморили – дескать, что мальца жалеть, у кого дед был царским прихвостнем, – рассказывает Олег Павлович.

По этой причине все возможные документы семья уничтожила – от греха подальше. Однако кое-какие бумаги и снимки (найди их скорые на расправу чекисты – не миновать расстрела!) отец чудом сберёг. Секретные бумаги хранил в кованом сундуке, спрятав их под безобидными носильными вещами. Сундук запирали на ключ. Однажды подсмотрев, куда отец прячет ключ, Олег залез в сундук. Самое обидное, что ничего интересного для себя в тайнике он не обнаружил. Бумаги же, опасаясь, что взрослые застанут его на месте преступления, второпях положили не на своё место, что было тотчас обнаружено отцом.

– Естественно, как только всё тайное стало явным, я был призван к ответу. «Ты зачем в сундук лазил?» – спрашивает меня отец. «Да не лазил я», – начал я отпираться. Но отец ка-а-ак даст мне затрещину, я так и сел. Рука тяжёлая была! Я, говорит, не спрашиваю, лазил или нет. Спрашиваю зачем? Так, одним ударом, из

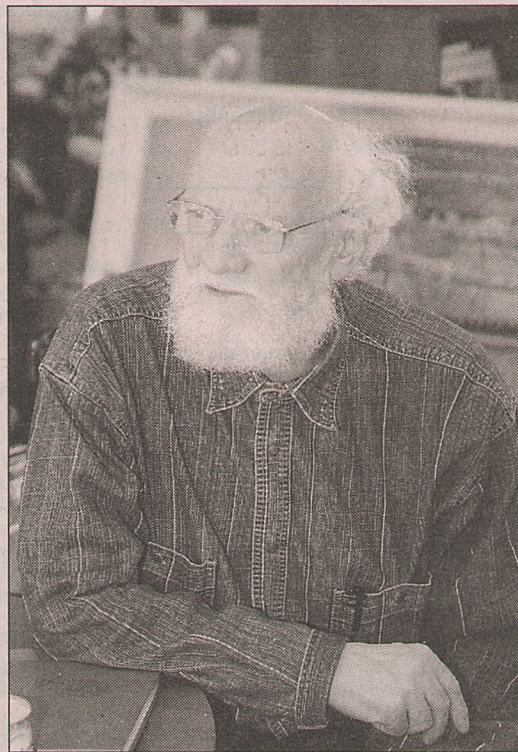

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

меня раз и навсегда выбили опасное любопытство, – вспоминает Олег Павлович. – В семье было так заведено: надо – спроси, но не своевольничай.

– А вообще семья была строгого нрава? Казаки этим славятся...

– Пожалуй, у нас была нетипичная в этом плане семья. Нравы царили вполне демократичные, над родителями даже позволялось подшучивать. Хотя при этом отца с матерью и старших

1946 год. Олег Отрошко (в середине) с родителями, братьями, сёстрами

братьев-сестёр младшие называли только на «вы». И отец нас называл только полным именем, никаких уменьшительно-ласкательных, никакого сюсюканья не было заведено. Врать было нельзя – вот и все строгости.

Во время войны в станице Калниболотской стояли немцы. Олег Павлович, хоть и было ему в 1943-м всего четыре года, хорошо запомнил немецкую оккупацию.

– К людской смерти у нас, у детей, отношение было самое обидное. Шла война, постоянно кого-то хоронили, отпевали, и мы, играя в прятки или догонялки, не считали кощунственным бегать вокруг гроба или прятаться под ним. А вот как убили нашу собаку, кавказскую овчарку по кличке Матрос, помню, как будто это было вчера. И горе своё, и как рыдал – помню...

Как-то раз к нам в подвал, где семья хранила мёд, пришёл немец. Взрослых дома не было, и Матрос, охраняя хозяйство, рвался с цепи, до хрипа захлёбываясь лаем. Фашист достал пистолет и выстрелил в Матроса – всё мимоходом, не задумываясь. Нас с сестрёнкой обрызгала кровь собаки, так близко мы стояли. А он, даже не обернувшись, спустился в подвал за мёдом. Вот тогда мы жутко разозлились на немцев.

К живописи Олег Отрошко пристрастился в десятом классе благодаря учителю рисования

Владимиру Ивановичу. Педагог он был чуткий и рисовальщик отменный, он-то первым и отметил поразительно талантливые работы своего ученика Отрошко. Но на тот момент дальше отличной отметки дело не пошло. А всерьёз о живописи как возможной в будущем профессии Олег Павлович задумался в армии. Помог случай.

– Как-то мой сослуживец «отличился», залил кабину самолёта керосином. Я нарисовал на него карикатуру – получилось очень похоже. Меня заметили, стали то и дело использовать «по рисовальному делу». Тогда же мне попала в руки книга Ирвина Стоуна «Жажда жизни» про Ван Гога. Она-то и перевернула всю мою жизнь: прочтя её, я понял, что ничем иным, кроме живописи, заниматься в своей жизни не хочу.

...Мечта Олега Отрошко сбылась. Он стал замечательным художником. Сегодня Олега Павловича сопровождают на этюды два верных друга – охотничьи собаки редких кровей Бей и Рай (последний получил своё имя в честь полюбившейся Олегу Павловичу деревеньки Раи, затерявшейся в даниловских лесах). Псы охотно справляются и с ролью натурщиков, и, если быть внимательным, на многих полотнах юбилейной экспозиции художника Олега Отрошко можно увидеть их жизнерадостные собачьи морды.

Лариса ДРАЧ